

1962 г., 14 сентября - родился в Москве. Отец - испанский журналист, мама - переводчик с испанского.
1980 г. - пытался поступить во ВГИК.
1981 - 1986 гг. - учился в Московском полиграфическом институте.
1985 г. - занялся журналистикой, десять лет делал репортажи из России для западных информационных агентств и журналов.
1994 г. - начал заниматься съемкой моделей для рекламы и иллюстрированных журналов.

Сотрудничает с изданиями: OLA, Cambio, El Observador, El Figaro и др. (Испания), VOGUE, Paris Match и др. (Франция), Corriere della Sera, Panorama и др. (Италия), «Домовой», «ОМ», «Андрей», «Стас», Cosmopolitan, Elle и др. (Россия).
Реклама: Carlo Pazolini, Toshiba, Ericsson, Metrópol Hotel и др.
Выставки: как художник-график участвовал в экспозициях в Манеже и на Кузнецком мосту, стал призером Первого российского фестиваля рекламной фотографии «Мастер-96» (плакат для «Метрополя»).

БАЛОВЕНЬ СУДЬБЫ

Володя предупреждал меня, что о нем было достаточно публикаций, но все однотипные: испанец, романтик, красавицы, знойные страсти. Как-то так получилось, что у каждого модного фотографа есть свой имиджевый «подбор». Власенков — реэмигрант-американец, Локтев — манекенщик-культурист, Королев — мастер златошата, Фридек — «вещь в себе». Профессия эта штучная, и если попытаться сосчитать имеющихся профессионалов, то немного штук наберется. Поэтому, как говорится, у всех пяти найдите пять отличий. В данном случае можно предложить и такое: баловень судьбы.

ЕГО ОТЛИЧИЕ

Не знаю, как в Испании, но у нас в России фамилия Клавихо звучит так, будто ее специально придумали, чтобы создать фирменный стиль. То, что потом, устоявшись и утвердившись, станет, быть может, называться trademark — как Фаберже, Зингер или Гарднер.
Не знаю, как в Испании, но у нас в России быть полуиностранцем — это значит, что уже не надо прилагать больших усилий для создания романтического имиджа. В афоризмах Козымы Пруткина между прочим есть и такой: желанье быть испанцем. Отбросив иронию, оставим суть — и бедный «туристический» лексикон обязательно сам по себе склеит из жалких сведений про басков и Буэнос-Айреса, Гранад-Гренаду, Гойю и Гауди, Дон Кихота и Дали, корриду и кастаньеты, Лорку и Майорку, Пикассо и пластыри, Франко и фламенко, а также матадоров, сомбреро и торреро, нечто столь же

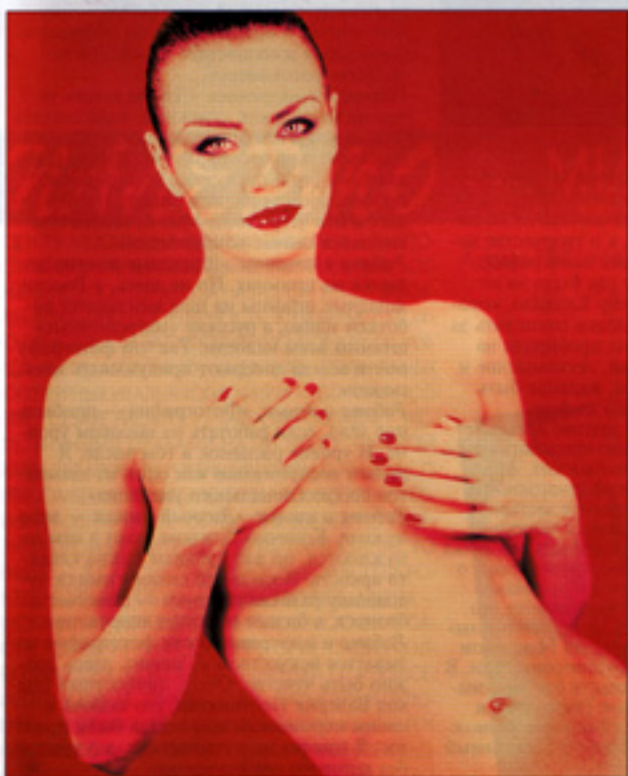
экзотически-несообразное, как и образы, произрастающие на русском экспортном компосте из водки, валенок, балалаек, березок, Кремля, класа, матрешек, сарафанов, шарей и двух Распутных, изображенных сверху и снизу на одной бутылке.

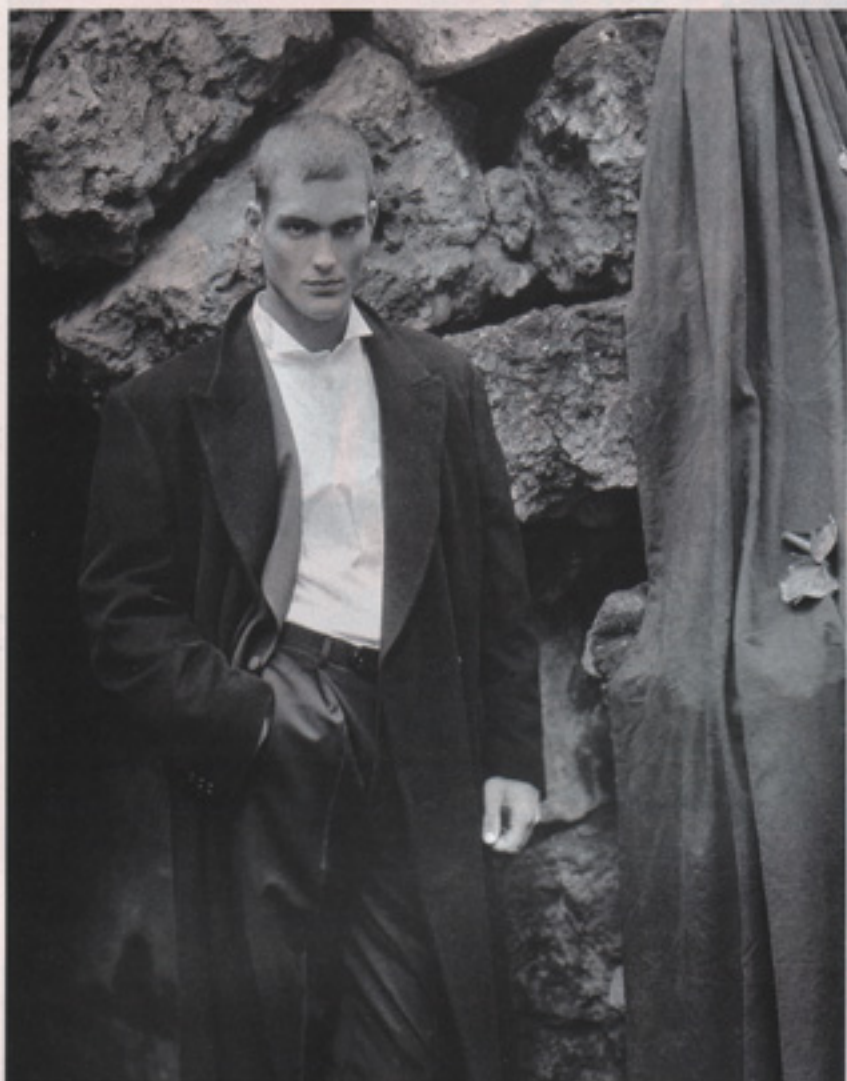
Не знаю, как Владимир Клавихо избавляется от этих «межнациональных» наваждений на родине отца, проработавшего в России уже больше тридцати лет, и дела, бывшего, кстати, тоже фотографом (и имевшего свое ателье. Но в Москве, в квартире своих дедушки и бабушки, русских живописцев Владимира Ивановича Телешнева и Маргариты Николаевны Даниловой, он, безусловно, вполне русский. Я бы даже написала «новый русский», если бы это понятие не стало слишком универсальной смысловой отмычкой для описания героев нашего времени, быстро перекочевав из сферы культуры и экономики в криминальную среду. Хотя в качестве нового русского (без компрометирующих кавычек) он очень ярко предстает собой тот тип личности, который за последние годы был, что называется, востребован временем. Включая сюда бытовую культуру, образование, отношение к работе, легкость в профессиональных контактах с Западом, саму профессию и немного ветхистый путь к ней.

ЕГО УНИВЕРСИТЕТЫ

С детства жить в доме, щедро увешанном мемориальными досками с именами художников, это очевидная особая удача и менее очевидная особая ответственность. Огульно считается, что дети из таких семей ленивы и избалованы. Однако, к счастью, «старые русские» интеллигенты и в советские времена старались продолжать семейные традиции еще более старого русского «хорошего общества» — когда детей балуют не сластями, деньгами и игрушками, а воспитанием, вниманием и крутом общением. Тут мне придется оговориться: все эти кавычки вокруг многих простых и важных понятий провозирует стаявая, конечно же, «система», с каждой революцией переворачивающая многие вечные (как, впрочем, и вешные) ценности с ног на голову. Однако в том доме, где Владимир Клавихо вырос, все всегда вроде бы оставалось на своих местах. Когда родители переехали в другой район — без традиций хорошего общества, он там просто не прижился. И сбежал при первой же возможности обратно в «другой мир», где дел, проходя мимо рисующего звука, мог, в зависимости от того, была сегодняшняя работа лучше или хуже, чем вчерашняя, остановиться или — нет. И это было стимулом и оценкой.
Считается, что полиграфический институт готовит хороших художников-графиков. Впрочем, согласно названию — для печатных изданий. Программа факультета похожа на «краткий курс» всего: живопись, скульптура, графика, плакат, фотография, история искусства и неизбежны в те годы марксизм-ленинизм в одном флаконе. Поколению, не знающему разницы между «динамом» и «истматом», а потому без труда выбравшему пепси, не понять, зачем студенту Клавихо пришлось отключать лифт, чтобы на двенадцатом этаже у одуревшего от лестничных пролетов старичка-доцента получить

вожделенный зачет по одной из этих непостижимых областей знания. Поступая в полиграф, почти каждый мечтал не об издательствах и изданиях, а о творчестве нитиражируемом, поскольку полиграфия всего десять лет назад у нас была на пещерном уровне. Владимир Клавихо, которого несколько раз пытались отчислить за «хвосты» и неоднократно пробирали на собраниях за, скажем так, легкомыслие и бурные романы (вот оно, желание быть испанцем!), исключением не был. Он стал исключением в другом: десять лет художник-график Клавихо проработал русским корреспондентом испанских, французских и итальянских информационных агентств. Вот тогда-то судьба и заставила его взять в руки фотокамеру, с помощью которой он с большим удовольствием делал репортажи как из «горячих точек», так и о культурных событиях. Если я правильно помню, в славной советской песенке это называлось «жизнь учить не по учебникам» — то, что Алеша Пешков, став Максимом Горьким, назвал своими университетами. В общем, по воле обстоятельств близкое знакомство с фотообъективом состоялось и выяснилось, что у объектива масса возможностей отражать совершенно субъективный подход к изображению темы.

ЕГО ЖАНР

Нельзя сказать, что художник Клавихо не пытался попасть в обиход чемпионов «нового русского» Sotheby's или перестроенных героев Фурманова переулочка. Но список чемпионов и героев объявили быстро, а дальше волна интереса к «андеграундно-му» советско-русскому искусству разбилась о камень какой-то новой западной моды. Кто не успел — тот опоздал. Однако баловни судьбы не опаздывают куда-то без причины. Владимиру Клавихо было суждено всколыхнуть на ходу в шикарнейшей экспрессе, причмавшийся с Запада на Восток. Несколько лет назад у замкнутого круга художников появилась возможность не только заговорить на своем языке, но и научить этому языку улицу. Посредником между современным изобразительным искусством и обывателем стали модные журналы и реклама — самая яркая часть индустрии потребления. Сферы этой у нас до недавнего времени просто не существовало, и оценивать ее принято с кисло-сладким пафосом — как нечто маргинальное, стоящее ближе к бизнесу, чем к вдохновению. Но сегодня уже стало очевидным и без того очевидным: наиболее актуальное искусство конца XX века совмещает художественный поиск с тиражными возможностями всех видов меди и коммерческим потенциалом моды. Точно не уверена, но что-то похожее на эти рассуждения привели Владимира Клавихо в одну из пустующих ячеек рекламно-модельного бизнеса. Это — жанровая фотография, где искусство смотрит на быт влюбленными глазами.

ЕГО КРАТКИЙ ЛЕКSIKON

Работа и профессия. «Для фотографии я — пришелец, потому что как был художником, так им и остался. Просто вместо графических и живописных приемов я использую фотокамеру».

Работа и конкуренция. «Чтобы делать то, что ты хочешь как художник, надо сделать себе имя. Потом доказывать, что это имя действительно что-то значит. И хотя реклама — сфера, где художник анонимен, профессионалы видят и знают, кто что делает и кто чего стоит. Мне нравится появившаяся сейчас конкуренция».

Работа и штампы. «В рекламе многое делается на штампах. Но не здесь, в России: западные штампы на наш менталитет работают плохо, а русские «матрешечные» штампы всем надоели. Так что фотографу почти всегда доверяют придумать идею, сюжет».

Работа и деньги. «Фотография — прибыльное дело, если работать на высоком уровне. И יותר расценки в том числе. Я деньги воспринимаю как один из элементов профессионального уважения».

Работа и имидж. «Личный имидж — вещь нужная. Конечно, близкие люди в нем не нуждаются, но для публики нужна какая-то яркость. В каком-то смысле имидж художнику развязывает руки — помогает в бизнесе, а бизнес помогает творчеству».

Работа и искусство. «Если фотография называется искусством — значит, здесь должно быть чувство. Очень личностный подход Валерия Плотникова, его любовь к своим персонажам мне всегда были приятны. Я говорю не о стилистике, а о чувстве, без которого нет искусства».